

УДК 81-139

МАКРО- И МИКРОТЕМЫ В ТЕКСТЕ РАССКАЗА СОМЕРСЕТА МОЭМА «RAIN»

Жамсаранова Р. Г., Баранова Е. С.

*Историко-филологический факультет
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита, Российская Федерация
E-mail: rebecca_zab@mail.ru;
Забайкальский институт железнодорожного транспорта
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», Чита,
Российская Федерация
E-mail: evgeniya_chita@mail.ru*

Статья посвящена описанию гипотетического наличия макро- и микротем как единиц связности текста. С. Моэм в рассказе «Rain» для связности повествования использует такие текстообразующие категории, как участники события, само событие, место и время. Данные категории текста повествуют обо всех тонких, духовно обусловленных перипетиях души человека. Микротемы в тексте вербализованы посредством сверхфразовых единств, образующих формально-смысловое единство. Единство микротем, в свою очередь, определяет макротему текста. Гипотеза о наличии цепочки макро- и нескольких микротем, которые, переплетаясь, проецируют авторскую идею рассказа, верифицирована примерами. Преломленные цепочки макро- и микротем в призме сюжета авторского текста и, главное, дискурс-анализа, способствуют раскрытию авторского замысла и определению мотивов экспрессивности повествования как авторского мастерства владения словом. Выделенные авторами в тексте английского писателя С. Моэма микротемы «человек – миссионер», «миссия человека-миссия Бога», «насилие-добро / любовь» являются, на взгляд исследователей, проекцией одной макротемы «Бог – человек». С. Моэм посредством рассказа «Rain» обращается к изучению животрепещущей темы «Бог в человеке» и «Человек в Боге». Моэма волнует также и тема внутривидовых, социальных взаимоотношений, что и описано в действиях, прежде всего в речевых «поступках» персонажей рассказа. Постигнуть авторские интенции, по-другому – философию авторского видения окружающего его мира, оказалось возможным посредством дискурс-анализа текста.

Ключевые слова: дискурс, сверхфразовое единство, микротемы «человек – миссионер», «миссия человека – миссия Бога, «насилие – добро / любовь», макротема «Бог – человек».

ВВЕДЕНИЕ

Изучение связного текста понимается как дискурс, и особую роль в данном аспекте приобрели понятия «стратегия понимания связного текста», «когнитивные модели понимания текста». Т. А. ван Дейк и У. Кинч используют эти понятия, переходя от уровня предложения к уровню текста, и применяют их на разных уровнях: для текстуальной и контекстуальной, внутренней и внешней информации. Стратегический анализ зависит не только от характеристик текста, но и от характеристик пользователя языка, его целей и знаний о мире. Читатель пытается реконструировать не только предполагаемое значение текста, выраженное автором различными способами в тексте или в контексте, но и значение, наиболее верное с точки зрения читателя и его интересов [1]. Отталкиваясь от этих установок понимания связного текста, каковым представляется и художественный текст, полагаем, что основной задачей лингвистического анализа текста художественного

произведения является понимание авторского замысла, основной идеи рассказа как текста.

Известно высказывание М. М. Бахтина, что текст – «это первичная данность» всех гуманитарных дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления... Текст является той непосредственной действительностью, действительностью мысли и переживания, из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [2]. Только в тексте возможны реализации как авторского замысла, так и ожидания читательского «вкуса», рефлексии на действительность, непосредственную действительность, в том числе.

Рассказ выдающегося британского писателя Сомерсета Моэма «Rain», опубликованный в 1921 году, посвящен теме миссионерской деятельности Дэвидсонов по распространению христианства в колониях британской империи. События рассказа разворачиваются в колониальный период и начинаются с представления «белых» путешественников Макфейла и Дэвидсона, которые плывут на корабле в Апия. Мистер Макфейл - врач и он едет в Апия со своей женой, чтобы остаться как минимум на двенадцать месяцев. Дэвидсоны - миссионеры, которые имеют цель побудить туземцев принять христианскую религию.

Извечная тема отношений «Бог-человек», описанная С. Моэмом, на наш взгляд, преломлена в сюжете данного короткого рассказа «Rain». Понять авторский замысел как идею рассказа, по-другому, текста, возможно посредством дискурс-анализа текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Основываясь на базовых положениях восприятия связного текста, художественного текста, полагаем возможным высказать следующие соображения. Во-первых, смысловое пространство текста с позиций дискурса – это некая макротема как смысловая константа, авторский замысел или идея, преломленная в тексте. Известно, что семантическая основа высказываний, характеризующих друг друга, необходима для «образования» дискурса. По-другому, необходимы некие узловые точки (наподобие точек бифуркации в синергетике). И этой «узловой точкой» авторского замысла является, на наш взгляд, макротема.

С позиции дискурсивного анализа текст «Rain» состоит из отдельных микротем. Микротемы, существующие в тексте, являются составными частями текста. В тексте микротемы вербализуются посредством сверхфразовых единств (далее – СФЕ). Исходя из этого, СФЕ можно определить в виде минимальной единицы семантико-синтаксического членения текстов. СФЕ являет собой «группу предложений, раскрывающих одну микротему (частную тему) и образующих на этой основе формально-смысловое единство, имеющее достаточно определенные границы» [3]. Неся некую информацию о ситуации, СФЕ тем самым именуется ее. СФЕ характеризуется «лексической преемственностью, широтой охвата содержания излагаемой темы, вплоть до полного ее раскрытия (каждое из последующих звеньев сложного синтаксического целого расширяет и развивает содержание предыдущих)» [4, с. 367]. Единство микротем, в свою очередь, определяет макротему текста.

Макротема текста как авторская идея короткого рассказа С. Моэма – это поиски взаимоотношений Человека и Бога в аспекте вечного диалога и постоянного дискурса.

Затронутая Моэмом тема архетипична, а потому релевантна для всех культур, для разных сообществ и цивилизаций. Во-вторых, определяемая нами единица дискурса текста как макротема, в свою очередь, условно «распадается» на ряд микротем, одну из которых, «Человек – миссионер», попробуем описать. В соответствии с поставленной задачей описания микротемы, корреляции макро- и микротемы с позиций дискурса обратимся для начала к признаковым характеристикам художественного текста.

Известно, что художественный текст обладает рядом особых признаков, чем и отличается от текста вообще. К особым признакам относят фикциональность текста, его условность, вымышленность и опосредованность внутреннего мира текста. Художественный текст обладает синергетической сложностью и целостностью, которая образуется посредством приобретенных «приращений смысла». Взаимосвязь всех элементов текста оказывает влияние на рефлексивность поэтического слова, оживление внутренней формы слов, усиление актуализация элементов лексического уровня; на наличие имплицитных смыслов, на смысл межтекстовых связей, интертекстуальность [5].

Именно фикциональность, синергетическая сложность и интертекстуальность являются, по-нашему, базовыми опорами проекции макротемы текста рассказа «Rain» [6].

Как известно, дискурс-анализ многообразен и многоаспектен. В данной статье под дискурсивным анализом мы понимаем проекцию трёхфокусной модели исследования. Трёхфокусная модель содержит анализы идеологии текста, интенций и перцепций коммуникантов и семантики языковых знаков, вслед за П. Серию [7].

Т.н. идеология текста – это макротема текста, презентация и описание микротем текста, по-другому, анализ интенций и перцепций, тогда как многосмысленность персонажей художественного текста Моэма вполне согласуется с восприятием их как языковых знаков. Каждая микротема раскрывает смысл основной темы, дополняет и развёртывает ее в логической последовательности. Микротемы отражены в таких элементах рассказа, как сюжет, персонажи, обстановка и т.д., способствуют организации цельности текста и подчинены главной теме.

Для анализа данного текста нами использовались методы контекстуального анализа и дискурс-анализа.

Главная задача художественного произведения – это выражение авторского замысла. Авторский замысел выражается как на лексическом уровне, так и в контексте произведения. Контекст есть скрытый смысл в текстовом выражении мысли.

А. А. Гируцкий отмечает, что предметом современного контекстуального анализа выступает словесный контекст, а также ситуация речи и социокультурный контекст. Т. е. связный текст, взятый в совокупности с психолингвистическими, прагматическими, социолингвистическими, культурологическими и иными

экстралингвистическими факторами. Именно такой текст называют дискурсом [8, с. 217].

С точки зрения повествования контекст разделяется на порождающий, где словотворчество отображено посредством языковых средств, и воспроизводящий – где денотативные значения текста не выходят за рамки внеязыковой действительности. Иными словами, первый выделяет смыслы, а второй дает им название [9].

Темы, объединенные общим пространством смыслового выражения и связанные между собой, составляют основу общего контекста произведения, что, собственно, и представляет предмет исследования в русле дискурс-анализа. Априори мы основываемся и на постулатах, прежде всего, теории авторского текста [10].

Текст, как осуществляющая коммуникативные намерения автора целостная единица, отражает коммуникативное событие, элементы которого должны быть соотнесены с отдельными единицами текста, которые помогают вскрыть его содержательные, функциональные и коммуникативные характеристики.

Текст имеет свою микро- и макроструктуру. Микро- и макроструктура внутри текста определяется особенностями организации единиц текста и тем, как эти единицы взаимосвязаны в рамках целого текста; закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках цельного текста [10]. Высшими элементами данных структур являются макро- и микротемы, которые формируют дискурс как единицу исследования.

Макротема «Бог-Человек» условно состоит из нескольких микротем, наиболее любопытной представляется «человек-миссионер».

В рамках данной статьи опишем микротему «человек-миссионер». Основным персонажем рассказа является мистер Дэвидсон, миссионер, как будто посвятивший всю жизнь религии и служению Господу. Эта микротема наличествует и функционально значима на протяжении всего рассказа посредством вербализации чувств, мыслей, действий и поведения главного героя рассказа.

Приведем вербальные характеристики образа главного персонажа Дэвидсона в тексте рассказа «Rain». Образ вербализован следующими сверхфразовыми единствами: «...a silent man / молчаливый человек», «...a sullen man / мрачный человек», «by nature reserved and even morose / по своей натуре замкнутый, угрюмый», «But the most striking thing about him was the feeling he gave you of suppressed fire. It was impressive and vaguely troubling. He was not a man with whom any intimacy was possible / но особенно поражало вызываемое им ощущение скрытого и сдерживаемого огня. В нем было что-то грозное и смутно тревожное. Это был человек, с которым дружеская близость невозможна» [6, с. 33].

Таковы внешние характеристики образа миссионера Дэвидсона, которые никоим образом не согласуются с общепринятыми изображениями Христа в мировой литературе.

Более того, исходя из авторского текста, рисуется образ не всепрощающего Бога (пусть и в образе миссионера), а почти противоположный образ – образ этакого конкистадора (учитывая колониальные реалии рассказа С. Моэма). Автором описан безупречный образ и почти идеального (с точки зрения самого персонажа) и

ответственного проповедника, который не щадит себя, спокойно рискует своей жизнью и никогда не меняет своих решений: «...he never hesitated in cases of illness / никогда не колебался, если был нужен», «personal danger can't stop him in the performance of his duty / грозящая опасность не помешает ему выполнить свой долг», «I must do all that in my power», «All day I pray ...with all my main and might / Я молюсь весь день... весь отдаваясь молитве», «I won't act till I've given her every chance / Я ничего не хочу предпринимать, пока не дам ей возможность исправиться» [6, с. 54].

На первый взгляд читателю может показаться, что мистеру Дэвидсону присуще чувство доброты. Миссионер страстно пытается «возвратить заблудшую и падшую душу» в лоно Отца-спасителя, наставить на праведный путь. Аллюзия на известный образ грешницы Марии Магдалины как авторская интенция очевидна. Возникает исследовательская проблема, когда надо выявить пути представления образа падшей женщины - Мисс Томпсон. Однако этот образ Моэмом представлен по-другому: не раскаявшейся женщиной, вдохновленной на это Иисусом Христом, а ставшей еще хуже, утратившей веру во все святое, и в самого Бога, и в доброту мужчин, вообще человека. И вину за это явление Моэм не без причин возлагает на Мистера Дэвидсона, миссионера, чья, казалось бы, богоугодная деятельность закончилась так бесславно.

В аспекте презентации микротемы «человек-миссионер» образ мистера Дэвидсона описан автором посредством следующих сверхфразовых единств: «I have exhorted her to repent / Я призывал ее раскаяться» [6, с. 55], «Now I shall take the whips with which the Lord Jesus drove the usurers and the money changers out of the Temple of the Most High / Теперь я возьму бичи, которыми господь наш Иисус выгнал продающих и покупающих из храма всевышнего» [6, с. 55]. Из данного контекста можно предположить, что мистер Дэвидсон, намерен прибегнуть к решительным действиям. Он использует изустный эпизод из Евангелия об изгнании мытарей из храма. «I'll act promptly / Я не стану бездействовать», «If the tree is rotten it'll be cut down and cast into the flames», «I'm going to stop it / Я намереваюсь прекратить это». «The very existence of that woman is a scandal / Само существование этой женщины – позор» [6, с. 62]. Напомним, что эти проекции решительности вовсе не присущи образу истинного Отца-спасителя, а скорее напоминают некий крестовый поход против «неверных», когда «огнем и мечом», а вовсе не любовью, искореняют «неверное».

Авторская интенция также очевидна при анализе стилистики текста. О том, что миссионер в своей душе, в своем внутреннем «Я» соотносит себя с Богом, свидетельствует использование в речи персонажа многократного употребления им местоимения «I» и того, что Дэвидсон каждый раз акцентирует внимание на том, что именно он способен исцелить «заблудшую душу»: «I want you all to pray with me for the soul of our erring sister/ молитесь о душе заблудшей сестры нашей», «...kneel with me /преклоните со мной колени», «...pray for the soul of our sister / помолимся о душе возлюбленной сестры», «I must save them / Я должен их спасти», «I made them understand / Я заставил их понять», «I made it a sin.. / Я научил их, что грешно...» [6, с. 42].

Также очевидны авторские мысли о роли миссионеров, которые «мнят самих себя Богами». Использование местоимений I, me, my, with me в высказываниях с

упоминанием имени Бога заставляют понять авторский намек на то, что сей персонаж настолько «увлекся», что, кажется, возомнил себя Богом. Данное наблюдение усугубляется еще и тем, что миссионер довольно скуп на словесное выражение своих эмоций и выражает их в основном, цитируя Библию: «but love of the Lord Jesus can rich him still / любовь Иисуса Христа достигнет его», «I've given her chance... / дам ей возможность исправиться», «Jesus may grant her this great mercy», «our Blessed Lord, who gave his life for her / благословенный Искупитель, отдавший за нее жизнь» [6, с. 77].

Персонаж рассказа «Rain» мистер Дэвидсон представлен автором как миссионер, который одержим своей профессиональной деятельностью: «his great eyes flashing out / его огромные сверкающие глаза», «fire of his gestures / пламенные жесты», «looked fierce and determined / дышал неукротимой решимостью», «his affability was a duty that he imposed upon himself Christianly / проявляя любезность, он лишь выполняет возложенный на него долг христианина», «He is obstinate», «when he's once made up his mind, nothing can move him / если он задался целью, ничто уже не сможет его остановить», «...try to bore into her soul / ...стремился понять сокровенные мысли», почти как Бог.

Однако развязка рассказа была совсем иная, трагичная, отличная от известного библейского сюжета.

Гнев, присущий мистеру Дэвидсону, также обусловлен его миссионерской деятельностью. Мистер Дэвидсон - настолько одержимый миссионер, что возомнил свою деятельность как «спасение» колонизированных. Его гнев вызван аморальным поведением со стороны окружающих его людей: «...passion of indignation / со страстным возмущением», «...turned his gloomy eyes on her / его мрачные глаза вонзились в нее», «his voice trembled with horror / его голос содрогнулся от неприязни», «I'm not going to allow it / не потерплю этого!», «...a contemptuous look / исполненный презрения взгляд» и т.д.

Другими словами, из анализа текста очевидна авторская интенция по поводу миссионерской деятельности британцев в подчиненных им колониях, о чем Моэм знал не понаслышке. И в этих текстах проявляется еще одна микротема «миссия человека-миссия Бога», когда автор пытается изучить скрытую от внешних взоров сокровенную тему воздействия истинно божественного влияния на человека на пути к Богу.

С. Моэм стремится сформировать у своего читателя глубокое убеждение об истинно божественном спасении душ, отличающемся от формализованного миссионерства. И в этом заключается сила художественного текста, художественного образа, нарисованного автором произведения.

Исполнены трагизма «заклучения» миссионера о плодах его «деятельности», когда он провозглашает, что результатом его словесных бесед с Мисс Томпсон стало следующее: «he has heard our prayers / он (Бог – авт.) услышал наши молитвы», «her soul is transformed / ее душа преобразилась», «a great mercy has been vouchsafed me / величайшая милость ниспослана мне». Эта мнимая «победа» миссии Дэвидсона сложилась, по его глубокому убеждению, как результат его призывов неизбежного наказания за содеянное, т.е. за распутный образ жизни Мисс Томпсон.

«She's sinned/ она согрешила», «she must suffer / должна страдать», «I have exhorted her to repent/ Я просил ее раскаяться», «If she fled to the uttermost parts of the earth I should pursue her / я нашел бы ее даже на краю света», «I want to put in her heart the passionate desire to be punished / хочу пробудить в ней страстное желание пройти это испытание», «I want her to feel that the bitter punishment of prison/ пускай прочувствует благочестивую милость в муках тюремного заточения». В части, касающейся туземцев: «We had to make it a sin, not only to commit adultery and to lie and thieve, but to expose their bodies, and to dance and not to come to church / Нам приходилось учить их, что не только прелюбодеяние, ложь и воровство - грех, но что грешно обнажать свое тело, плясать, не посещать церкви» [6, с. 42].

Микротема «миссия человека-миссия Бога» органично вписывается в структуру макротемы «Бог-Человек», добавляя все новые и новые коннотации в смысловое пространство дискурса.

Полагаем, что при дальнейшем анализе текста возможно сформулировать и еще одну микротему – «насилие – добро / любовь». Моэм вкладывает в уста псевдомиссионера Дэвидсона слова о возможности применения насилия, кары, вплоть до тюремного заключения, как «ответа» на отказ изменить привычный образ жизни и туземцам, и Мисс Томпсон – местной проститутке.

Его упорство из кажущегося «словесного» достоинства оборачивается худшим пороком. Мистер Дэвидсон, при всех его положительных качествах, говорит: «We'll save them in spite of themselves / Мы спасем их, вопреки им самим», «I instituted fines/ Я учредил штрафы», «I could expel them from their church membership / я мог исключить их из церковной общины», «They couldn't sell their copra. When the men fished they got no share of the catch. It means something very like starvation / Они не могли продавать копру. И не имели доли в общем улове. В конечном счете это означало голодную смерть» [6, с. 43]. Выделенные нами сверхфразовые единства вербализуют микротему «насилие-добро / любовь».

В микротеме, воспроизведенной в смысловом содержании текста, насилие рассматривается как преднамеренное физическое и психологическое подавление людей в интересах, чуждых личности и обществу в целом. Идею доминанту богословия обличает постулат о несовместимости религии и насилия. В интерпретации большинства проповедников, религия есть основа мира, любви и согласия. Религия как важнейший способ духовного воспитания направлена на ограждение общества от жестокосердия.

Фактам совершения миссионером Дэвидсоном насильственных действий можно дать только одно объяснение. Осуществляя свои поступки, миссионер действовал не из религиозных побуждений. Так называемое спасение «заблудших душ» посредством насилия не является богоугодным делом. Прикрываясь религиозными призывами, он, как ему кажется, обращает в свою веру заблудшие души, которые, к несчастью, не имели возможности или желания изучить Библию и искренне верят, почти верят любым утверждениям миссионера. В работе «Миф о религиозном экстремизме» доктор педагогических наук, профессор С. С. Оганесян пишет: «Другое дело, что существуют «личности», которые сеют вокруг себя религиозную,

равно как и этническую, рознь и ненависть. Но все они настолько же далеки от Бога, насколько близки к Сатане» [11].

Мистер Дэвидсон, чье предназначение служить примером для подражания, будучи женатым, систематически переступает все те нормы, которые пропагандирует. Факт содеянного им с Мисс Томпсон, которая чуть было не поверила призыву «прийти в лоно Отца-спасителя», чудовищен. Поэтому развязка рассказа трагична и, добавим, закономерна. Глубоко убеждение Моэма в том, что насилием, пустыми увещаниями, пусть и прикрытыми словами о Боге, невозможно привести Человека к Богу. Только любовь и добро способны сотворить подобное чудо.

Рефреном всего повествования является образ изрядно надоевшего всем дождя. Как языковой знак он отнюдь не бессмыслен. Все образы моэмовских рассказов чрезвычайно насыщены аллюзиями, метафоричны и знаковы. Дождь как очищение, как благостная небесная влага, ниспосланная Богом, призван очистить все вокруг от миссионерской скверны как очевидного лицемерия.

Таким образом, вербализованная посредством микротема макротема «Человек-Бог» релевантна в тексте, функционально значима, поэтому текст имеет свою, «моэмовскую» синергию как аккумуляцию архетипично важных взаимоотношений Человека с самим собой и Богом.

ВЫВОДЫ

Анализ макро- и микротема рассказа «Rain» как единиц связности текста позволил установить, что, переплетаясь, макро- и микротемы проецируют авторскую идею рассказа, способствуют раскрытию авторского замысла и проявлению экспрессивности повествования.

Для его связности автор использует следующие текстообразующие категории: участники события, само событие, место и время. Данные категории текста повествуют обо всех тонких, духовно обусловленных перипетиях души человека, а главное – отношений Человек – Бог.

В анализируемом произведении представлено время (мир), в котором жили и властвовали миссионеры, решая судьбы других людей. Их мучили разные чувства: боль за совершение греха, гордость за свой успех и стойкость, осознание необходимости выстоять в решении своих дел, чтобы впоследствии насладиться спокойной жизнью на неких «райских», а иногда придуманных ими островах. Это все не может оставить равнодушным и не пробудить чувство сострадания.

Сомерсету Моэму в коротком рассказе «Rain» удалось привлечь внимание читателя к архетипически релевантным взаимоотношениям Бога и Человека. Побудить человека, живущего иногда только сегодняшними проблемами, к осмыслению своего истинного предназначения, смысла жизни (который заключается не только в том, чтобы родить, воспитать и работать) – вот идея рассказа, авторская интенция, обнаружить которую возможно посредством дискурс-анализа текста.

В авторском тексте без прямого упоминания слова hypocrisy («лицемерие») С. Моэму удалось «подвести» читателя к мысли о лицемерии миссионерской деятельности в целом. Говоря по-другому, «вскрылись» сокровенные мысли и идеи

самого автора не только о лицемерии миссионеров, возомнивших себя, в том числе, некими «проводниками» Божьей воли по отношению к другим, но и об извечной теме поисков Бога в человеческой сути, отождествления Бога с Человеком. Рассказ глубоко философичен, в нем затронуты извечные идеи божественного в человеке на фоне реальных событий истории отдельной страны, отдельной (англо-саксонской) культуры.

Список литературы

1. Дейк, Ван Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988. – С. 153–211.
2. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собр. соч.: в 7 т. – М., 1997. – Т. 5. – С. 287.
3. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е. И. Дибровой. М., 2001. – 624 с.
4. Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис. – М., 2003. – 416 с.
5. Художественный текст в современной лингвистической парадигме: учебно-методическое пособие для вузов. – Воронеж, 2007. – 51 с.
6. William Somerset Maugham Rain and other stories. – New York: Grosset&Dunlap, 1921. – 312 p.
7. Серю П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология / отв. ред. Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – С. 549–562.
8. Гируцкий А. А. Общее языкознание: учебник. – Минск: Вышэйшая школа, 2017. – 238 с.
9. Андреева Г. В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук. – Л., 1984.
10. Ефремова Л. С. Сверхфразовое единство как семантико-синтаксическая единица текста // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 3 (8). – С. 105–107.
11. Оганесян С. С. Миф о религиозном экстремизме: Фанатики настолько же далеки от Бога, насколько близки Сатане // Независимая газета. 2000–10–19. http://www.ng.ru/politics/2000-10-19/3_extreme.html
12. Жамсаранова Р. Г., Ким Н. В. Повесть Анатолия Светланского «Бегство из рая»: тематическая связность текста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2020. – Т 6 (72), № 2. – С. 79–94.

References

1. Deik, Van T. A., Kinch V. *Strategii ponimaniya svyaznogo teksta. Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XXIII.* [Strategies for understanding a coherent text. New in foreign linguistics]. Moscow, 1988, pp. 153–211.
2. Bakhtin M. M. *Yazyk v khudozhestvennoi literature. Sobr. soch: v 7 t.* [Language in fiction in 7 volumes]. Moscow, 1997. vol. 5, p. 287.
3. *Sovremennyi russkii yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinit.* [Modern Russian language. Theory. Analysis of language units] pod red. E. I. Dibrovoi. Moscow, 2001. 624 p.
4. Valgina N. S. *Sovremennyi russkii yazyk: sintaksis.* [Modern Russian language: syntax]. Moscow, 2003. 416 p.
5. *Khudozhestvennyi tekst v sovremennoi lingvisticheskoi paradigme. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya vuzov.* [Literary text in the modern linguistic paradigm]. Voronezh, 2007. 51 p.
6. *William Somerset Maugham Rain and other stories.* New York: Grosset&Dunlap, 1921. 312 p.

7. Serio P. *Analiz diskursa vo frantsuzskoi shkole (diskurs i interdiskurs)*. [Analysis of discourse in the French school (discourse and interdiscourse)]. *Semiotika: antologiya*. M.: Akademicheskii proekt, 2001. pp. 549–562.
8. Girutskii A. A. *Obshchee yazykoznanie. Uchebnik* [General linguistics]. Minsk, Vysheishaya shkola, 2017. 238 p.
9. Andreeva G. V. *Yazykovoe vyrazhenie kontrasta i ego stilisticheskie funktsii v khudozhestvennoi proze (na materiale angliiskogo yazyka)*. [Linguistic expression of contrast and its stylistic functions in fiction (based on the material of the English language)]. L., 1984.
10. Efremova L. S. *Sverkhfrazovoe edinstvo kak semantiko-sintaksicheskaya edinita teksta* [Extra-phrasal unity as a semantic and syntactic unit of the text]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2011. no.3 (8), pp. 105–107.
11. Oganessian S. S. *Mifo religioznom ekstremizme: Fanatiki nastol'ko zhe daleki ot Boga, naskol'ko blizki Satane* [The Myth of Religious Extremism: Fanatics are as far from God as they are close to Satan]. *Nezavisimaya gazeta*. 2000–10–19. http://www.ng.ru/politics/2000-10-19/3_extreme.html
12. Zhamsaranova R. G., Kim N. V. *Povest' Anatoliya Svetlanskogo «Begstvo iz raya»: temerematischeeskaya svyaznost' teksta* [Anatoly Svetlansky's novel "Flight from Paradise": the theme-rhematic coherence of the text]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, vol. 6 (72), no. 2, pp. 79–94.

MACRO- AND MICROTREMES IN THE TEXT OF SOMERSET MAUGHAM'S SHORT STORY "RAIN"

Zhamsaranova R. G., Baranova E. S.

The article is devoted to the description of the unity of the hypothetical presence of macro- and microthemes as units of the coherence of the text. The author of the analyzed text "Rain" is the British writer Somerset Maugham. For the coherence of the narrative, the author uses such text-forming categories as the participants of the event, the event itself, place and time. These categories of the text tell about all the subtle, spiritually conditioned vicissitudes of the human soul. Microthemes in the text are verbalized by means of extra-phrasal unities forming a formal semantic unity. The unity of microthemes, in turn, determines the macrotheme of the text. The hypothesis of the presence of a chain of macro- and several microthemes, which intertwine, project the author's idea of the story, is verified by examples. The refracted chains of macro- and microthemes in the prism of the plot of the author's text and, most importantly, discourse analysis, contribute to the disclosure of the author's intention and the definition of the motives of the expressiveness of the narrative as the author's mastery of the word. Highlighted by the authors in the author's text of the British writer S. Maugham, the microthemes "man is a missionary", "the mission of man is the mission of God, "violence is good / love" are, in the opinion of researchers, a projection of one macrotheme "God is man". S. Maugham, through this story "Rain", addresses the study of the burning topic "God in man" and "Man in God". Maugham is also concerned about the topic of intrahuman, social relationships, which is described in the actions, first of all, in the speech "deeds" of the heroes and characters of the story. And to comprehend the author's intentions, in a different way, the philosophy of the author's vision of the world around him turned out to be possible through the discourse analysis of the text.

Keywords: discourse, theme, extra-phrasal unity, microthemes "man is a missionary", "man's mission is God's mission, "violence is good /love", macrotheme "God-man".